

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

И.П. МАМЫКИН

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И КРЕАТИВНОСТЬ

В поисках дополнительных ресурсов. Возрастание разнообразия и сложности современных социальных проблем, усугубляемое дефицитом времени и ограниченностью традиционных ресурсов, побуждает к более тщательному изучению ресурсных возможностей самого человека. В ряду наиболее востребованных человеческих качеств особый интерес представляют здравый смысл и креативность.

Здравый смысл издавна обсуждается в философских и научных исследованиях, а также в художественных произведениях, но тема далеко не исчерпана, в ней постоянно обнаруживаются новые нюансы, напоминающие о необходимости согласия мысли с действительностью.

Сущность и разнообразные проявления креативности (творческой способности) и особенно способы ее стимулирования пока еще недостаточно выяснены. Между тем это чрезвычайно актуально сейчас, когда наше общество вступает на путь инновационного развития.

Специализированные исследования отдельных человеческих качеств (составляющих «человеческого капитала») не исключают, а, напротив, предполагают дополняющие их комплексные исследования. Будем рассматривать проблему именно в таком ракурсе. В основу статьи легло убеждение, что совместное обсуждение понятий «здравый смысл» и «креативность» поможет уточнить их содержание и будет способствовать более эффективному применению.

К вопросу о генезисе ключевых понятий. Интересующие нас понятия долгое время вызревали в рамках вненаучного познания, прежде чем обрести свое место в философских и научных работах.

Представления о здоровом смысле сложились под преимущественным влиянием обыденного сознания. Философия, а затем и конкретные науки аккумулировали жизненный опыт людей, в том числе стихийно сложившиеся формы языка и мышления. [1, 162—169]. И все же повседневный опыт людей не утратил своей ценности, каких бы высот не достигли специализированные отрасли духовной культуры.

С точки зрения обыденного сознания здравый смысл предстает как способность человека самостоятельно мыслить и действовать. Обыденное сознание высоко ценит здравый смысл и видит в нем отличительные особенности каждого нормального человека, а в пределах человеческого общезнания считает его определяющим сравнительные достоинства отдельных людей.

Игорь Петрович МАМЫКИН, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета.

Философию интересует все, что важно для человека, потому способность человека к самостоятельному мышлению и действию, равно как и оценка этой способности массовым сознанием, не могли быть оставлены без внимания. Существуют и дополнительные причины для такого интереса, поскольку философия в своем возникновении и развитии немало обязана здравому смыслу, она стремится выяснить его пригодность для философствования. Аналогичны мотивы обращения к этому вопросу и со стороны частных наук, которые наряду с традиционным вопросом об уместности здравого смысла в науке, обсуждаемом в общем виде, разрабатывают программы специальных исследований в области логики, психологии, социологии, этнологии, педагогики и других дисциплин.

Эмпирическую базу, во многом общую для философии и ряда конкретных наук, составляют разнообразные суждения и действия. Определенный интерес представляют словосочетания, обозначающие здравый смысл в основных европейских языках. Как правило, их отличает ориентация на нормального здорового человека.

В русском языке применяются термины «здравомыслие», «благоразумие», «здравый ум», а также «рассудок» и «рассудительность». Аналогичны выражения «разумны сэнс» и «здаровы розум» в белорусском, «zdrowy rozum» в польском, «zdravý rozum» в чешском и других языках.

Как видно из самих словосочетаний, в них довольно прозрачно проявляется познавательный оптимизм и вместе с тем указывается на требования к субъекту. Здравый смысл выступает гарантом достижения правильных и полезных сведений при определенном поведении человека.

Наряду с этим в европейских языках получил распространение и несколько иной акцент. Так, в английском языке преобладает термин «common sense». В соответствии с основным значением предиката «common» — «общий, обыкновенный» здесь подчеркивается важность согласования индивидуального мнения с мнением окружающих, т.е. общезначимость отождествляется с объективностью. Приверженность к общепризнанному, общепринятому трактуется и как необходимое условие достижения определенной выгоды, устойчивого положения в обществе. Наряду с доверием к дееспособности других людей здесь содержатся обоснованные опасения за возможный консерватизм или конформизм. Поэтому данное словосочетание нередко воспринимается с иронией, особенно снобами.

В романских языках наблюдается своеобразная дивергенция, т.е. двойное словесное обозначение понятия «здравый смысл», а именно, подчеркивается важность реалистического отражения реальности и вместе с тем следования общепринятому. Так, во французском языке применяются выражения «bon sens» и «sens commun». В первом из них, наиболее распространенном, подчеркивается важность самостоятельного непредубежденного взгляда на вещи. Второе, побочное выражение, аналогично английскому. Сходная дивергенция наблюдается в испанском и португальском языках (соответственно «buen sentido» и «sentido comun», «bom senso» и «senso comun»).

Разнообразные смысловые оттенки понятия «здравый смысл» еще более рельефно проступают в многочисленных афоризмах, которые правомерно в известной мере считать самохарактеристиками здравого смысла, поскольку они в общем руководствуются именно им. Приведем некоторые из них: «Высшее благоразумие — это оставить мир в таком виде, в каком мы его застали» (Б. Грасиан-и-Моралес); «Блюсти всюду выгоду — это жизненное правило здравого смысла» (Л. Вовенарг); «Здравомыслие можно было бы определить как синтез безумий» (Б. Рассел); «Здравый смысл — гений в домотканной одежде» (А. Уайтхед). Синтезировать разнообразные смысловые нюансы в сжатом определении не так-то просто. Мы ограничимся лишь акцентом на генезисе и функциях здравого смысла.

Опираясь на определения, приводимые в литературе [2, 354; 3, 164; 4, 41], будем понимать под здравым смыслом взгляды людей на окружающую действительность и на самих себя, сформировавшиеся в процессе повседневной жизни и используемые для оценки явлений и правил действий.

Модное слово «креативность (творческая способность)» введено в научный обиход сравнительно недавно, с середины прошлого века, но оно располагает весьма внушительной предысторией, будучи производным от более общего понятия «творчество», в связи с которым и следует его рассматривать.

Понятие «творчество» первоначально сформировалось в лоне мифологической и религиозной традиций, рассматривающих его как процесс порождения мира в целом и конкретных вещей (причем именно в такой последовательности) сверхъестественными существами. Оно изначально воспринимается в духе таинственности, непостижимости для обычных людей.

По мере развития общества возрастает его заинтересованность в прогрессе, а значит, в использовании продуктов творчества и в познании самого процесса творчества. Творчество постепенно превращается из «вековечной тайны» в проблему, которую надо решать, и к этому процессу наряду с различными областями науки подключаются также и другие виды познания.

На протяжении всей истории осуществляются все более активно, хотя и не всегда последовательно, демистификация и демифологизация общества, которые связываются с деятельностью самих людей.

Наряду с ростом знаний совершенствуются и формы организации творчества. Этот процесс принял наиболее отчетливый характер в XX в. в связи с интенсивным научно-техническим и социальным прогрессом. В философии он совпадает с возрастанием интереса к человеку, в котором стали видеть существо, изменяющее и проектирующее условия своего существования и самого себя. В науке обостряется потребность в комплексных исследованиях творчества, в связи с этим предлагаются различные варианты теории творчества (эвристика, эврилогия, креатология).

В соответствии с замыслами исследователей и практиков — организаторов творчества, понятие «креативность» («creativity») выдвигается в качестве антипода креационизма, отводя самим людям роль движущей силы общественного прогресса. Одновременно оно противостоит бытовому пониманию таланта как прерогативы отдельных выдающихся личностей. Для теории и практики организации творчества принципиальное значение имеет тезис о присущности креативности всем нормальным людям. Против этого тезиса, высказанного в общем виде, как будто возражать не приходится, но его не так-то просто и доказать. Вместе с тем следует возразить против вытеснения термина «творчество» и непомерного расширения смысла термина «креативность», когда оно охватывает также процесс творчества и его продукт. Более оправданной представляется отечественная традиция, признающая правомерность научного понятия творчества при условии наполнения его новым содержанием. Понятие «творчество» тем самым связывается с человеческой деятельностью. Одним из его аспектов является понятие «творческая способность». С этой точки зрения креативность (творческая способность) может быть понята как присущая человеку способность создавать новые материальные и духовные ценности.

Помимо различия в происхождении для понятий «здравомыслие» и «креативность» различен контекст, в котором они применяются. В силу этого данные понятия изучались преимущественно порознь. И все же существуют определенные основания для совместного их рассмотрения. Эпизодические попытки такого рода предпринимались и ранее, но они не получили необходимого развития. Заслуживает внимания прием контрастного сопоставления понятий, т.е. группировки их в своеобразные диады типа: но-

вое — старое, отражение — творчество, интуиция — логика, оригинальность — подражание, воображение — критика и пр. Такой прием достигает цели, если удастся вскрыть противоречия в развитии того или иного явления и тем самым выявить существенные связи и закономерности. В философии творчества этот прием применяется чаще всего таким образом, что одно из понятий принимает на себя основную смысловую нагрузку, выражая суть или, по крайней мере, важнейший аспект творчества, а другой член оппозиции — внешние условия, опосредствующие или противодействующие факторы. Более глубокий анализ обычно обнаруживает необходимость не только противопоставления, но достижения единства этих полярностей в рамках, например, деятельностного подхода и, шире, культуры творчества. Зачастую, однако, такие сопоставления не доводились до конца, оставаясь любопытными парадоксами. С этой точки зрения показателен опыт анализа диады «здравый смысл — креативность», который производился как в явном, так и в неявном виде. Наиболее известным примером такого рода является, в частности, анализ представителями немецкой классической философии (в основном Кант и Гегель) категориальной пары «рассудок — разум», осуществляемый с целью выработки нового стиля философствования. Под категорией «разум» понимался прогрессивный метод философствования, отражающий динамику познающей мысли. Под категорией «рассудок» понималось обыденное сознание (здравый смысл), оно характеризовалось как косное, ограниченное [5, 73, 136—140]. Фактически Гегель, как и ранее Кант, на свой лад формулировал требования к творческому мышлению. Но это достигалось ценой принижения места и роли здравого смысла. К последнему пристал эпитет «ограниченный». С такой характеристикой нельзя полностью согласиться, поскольку всем формам познания присущи определенные ограничения.

Определенный интерес представляет анализ взаимоотношения творчества и рутины, предложенный известным русским патентоведом П.К. Энгельмейером в начале XX в. Интересующие нас категории в явном виде не представлены. Энгельмейер исходил из неизбежности противостояния творчеству со стороны нетворчества, рутины. Аналогичную роль играет сопротивление, оказываемое творческой личности со стороны среды. Рутинеры в общем поддерживают то, что уже победило, выступая против нового, т.е. массовое сознание проявляет себя крайне реакционно. Такое сопротивление рассматривается одновременно как необходимый и единственно возможный критерий ценности нововведений: то, что мелко и неважно, не вызывает сопротивления, а чем значительнее нововведение, тем сильнее вражда, называемая «мизонеизмом» [6, 13—14]. Мрачная картина, нарисованная Энгельмейером, к сожалению, содержит в себе немало жизненной правды. И все же его выводы излишне категоричны и односторонни.

Мысль и действие. Смысложизненные стратегии. Выделение полярностей и раскрытие взаимоотношений между ними позволяет, пусть и ценой определенного огрубления, добиться более четкого видения ряда свойств и отношений. Приведенные образцы анализа диад, заостряя характерные черты здравого смысла и креативности, в то же время побуждают к дальнейшему уточнению объединяющей их основы. Не ограничиваясь контрастным противопоставлением креативности и здравого смысла, их следует соотносить с такими предельно широкими понятиями, как бытие, сознание, познание, деятельность.

Оба эти понятия объединяет стремление к пользе, благу. Отличие в том, что здравый смысл ориентируется на приспособление к действительности, а креативность — на ее изменение. В обоих случаях речь идет о соответствии бытия и сознания, обеспечении условий жизнедеятельности, но оно осуществляется принципиально различными способами. Здравый смысл направлен на адаптацию человека к действительности, креативность — на

ее преобразование и вместе с тем на преобразование самого человека. В связи с этим хочется привлечь внимание к известному высказыванию А. Бергсона: «Здравый смысл есть усилие ума, который непрерывно приспособливается, меняя идею, когда меняется предмет. Это и есть подвижность ума, в точности следующая во всем подвижности вещей» [7, 94]. Данное высказывание трудно считать точным определением или характеристикой, но оно отличается исключительной экспрессивностью, в нем удачно передано мироощущение обычного индивида, т.е. самого носителя здравого смысла.

Для прояснения смысла понятия «креативность» целесообразно обратиться к классическому ленинскому высказыванию: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [8, 194—195].

В отечественной литературе уделялось много внимания комментированию и развитию этих программных положений. В рассматриваемом нами плане важно отметить, что здесь, по сути дела, объединены два тезиса, изложенные разным языком. В первой части речь идет о функциях сознания, вторая часть разъясняет смысл первой и при этом затрагивает иной сюжет — характерные черты человеческой деятельности. В качестве важнейшей предпосылки действия указывается на неудовлетворенность человека сложившимся порядком вещей. Такая оценка действительности человеком не обязательно приводит к активной деятельности, а может усугублять настроения отчаяния или пессимизма, но она может выступать побудительным мотивом к действию, если обнаруживает в самой сложности и неустроенности бытия предпосылки его движения и развития. Переломным моментом творческого процесса выступает решимость человека изменить существующее положение дел. Этот момент верно подмечен в английской пословице: «Недовольство — первый шаг к успеху». Поэтому необходимо уточнить, что недовольство субъекта необязательно приводит к активной деятельности. Неудовлетворенность субъекта может быть адресована и к нему самому. И «муки» творчества часто проистекают именно по этой причине.

Неудовлетворенность субъекта должна смениться удовлетворенностью от получения положительного результата или, по крайней мере, от предвидения такого результата, что является важным стимулом творческой деятельности.

Согласование бытия и сознания, достигается различными способами освоения действительности. Наряду с указанным уже приспособлением к действительности и ее преобразованиям в этом процессе принимают участие и другие способы ориентации человека в мире. Такое многогранное согласование может быть прослежено на уровне отдельных действий, оно выступает необходимым условием адекватного познания и вместе с тем эффективной деятельности. Эта идея удачно выражена И.В. Гете: «Думать и действовать, действовать и думать — вот итог всей мудрости, издавна признанной, издавна использованной, но не каждым усмотренной. То и другое, как выдох и вдох, должно вечно чередоваться, как вопрос и ответ, одно не должно быть без другого. Кто делает для себя законом то, что тайно каждому на ухо шепчет гений человеческого разума — действие проверять мышлением, мышление действием, — тот не может заблуждаться, а если и заблудится, то скоро вернется на верную дорогу» [1, 393].

С учетом необходимости регуляции мысли и действия на основе их взаимного соответствия место и роль здравого смысла и креативности предстают более рельефно. Постоянно чередуя и сопоставляя мысль и действие, люди в результате этих «челночных» движений приобретают разнообразные сведения об окружающей действительности и о самих себе. Здравый смысл при этом выступает на стороне духовного компонента диады, представляя особое знание, предшествующее действию или вытекающее из него. При

обнаружении несоответствий креативность позволяет выявить необходимые изменения и осуществить их на деле.

Еще более конкретно и разнообразно динамика мысли и действия предстает с учетом структуры действия (субъект и объект действия, цель, средства и результат действия и т.п.) и его разновидностей (простое и сложное, индивидуальное и коллективное и пр.). Роль здравого смысла сказывается своеобразно на каждом этапе и в достижении соответствия между отдельными компонентами действия (между объектом и средством действия, между целью и средством и т.д.). Очевидные достоинства здравого смысла состоят в оперативной реакции на происходящие события, непрерывной «подпитке» практикой и постоянной сверке (по возможности непосредственной) полученных знаний с самой действительностью, т.е. ему потенциально присущи свойства самокоррекции. Правда, использовать в полной мере эти качества не всегда удается. Происходит это прежде всего в силу доминирования установки на приспособление к существующим условиям. Сказывается также узость «горизонта» познания и действия, дефицит материальных ресурсов и т.п., в силу чего приходится довольствоваться не лучшими, но привычными или наиболее доступными в данный момент решениями. Здравому смыслу под силу осознание несовершенств отдельных компонентов действия (некоторые из них, например, объект или средство действия могут и вовсе отсутствовать), но ими нельзя вполне обойтись, и для их совершенствования или восполнения необходимо обращаться к креативности, обнаруживающей скрытые ресурсы в ситуации действия, неоправданность постановки задачи и пр.

Приспособление к действительности и ее преобразование, а следовательно, здравомыслие и креативность необязательно выступают только как рядоположенные, их сосуществование при некоторых условиях допускает определенное совпадение. Это вытекает, с одной стороны, из «вездесущности» здравомыслия, поскольку в конкретных ситуациях люди обращаются прежде всего именно к нему, а с другой стороны, из непрерывного расширения и усложнения сферы творческой деятельности.

Будем рассматривать лишь один аспект этой взаимосвязи, а именно, степень участия здравомыслия в творческом процессе. Как известно, классическая философия XIX в. полагала, что удел здравого смысла — пребывать в границах «домашнего обихода», а к перспективам его выхода на широкий простор исследования относилась скептически и даже негативно. Неклассическая философия XIX—XX вв. в ее иррационалистическом варианте скептически относилась к возможностям разума вообще.

При оценке возможностей обыденного сознания следует учитывать, что в ходе повседневной (особенно производственной) деятельности накапливаются ценные наблюдения и используются природные закономерности в технологических процессах, в начале стихийно, а затем все в большей мере сознательно. Однако систематизация знаний и их фиксация учитывают лишь ближайшие цели индивидов или сообществ и не отличаются строгостью.

Заслуживает внимания авторитетное мнение основоположника микробиологии Л. Пастера, что в ходе производственной деятельности (в частности, в виноделии) не только отбираются полезные наблюдения, которые правомерно расценивать по меркам эмпирических исследований, но и выясняются существенные свойства явлений, которые следует брать за основу при разработке научно-исследовательских программ [9, 359—360]. Маститый ученый считал необходимым добавить, что в народном объяснении истории производственных процессов зачастую присутствует «доля чудесного», поэтому к народным обычаям следует относиться критически.

В настоящее время в связи с повышением роли экономики в жизни общества многие формы жизнедеятельности людей, ранее всецело замыкав-

шиеся в пределах «домашнего обихода», приобретают общественное значение, включаются в общественное производство.

Возрастает роль предприимчивости, причем в массовом масштабе, охватывающей не только предпринимателей, но самые широкие слои населения. Стоит напомнить, что по-английски данное понятие звучит весьма красноречиво — «resourcefulness» — и означает способность действовать эффективно и изобретательно, особенно в трудных ситуациях, на основе естественных ресурсов или собственных ресурсов индивида.

В рассматриваемом нами плане важно подчеркнуть, что в предприимчивости заложены объективные предпосылки для сочетания здравого смысла, т.е. учета объективных и субъективных моментов, и креативности, т.е. активного созидательного и вместе с тем критического отношения к существующей практике. Однако следует оговориться, что в настоящее время в экономической деятельности творческое начало пока еще недостаточно развито.

В качестве примера необходимого сопряжения здравого смысла и креативности следует привести «прямое действие», т.е. в наиболее элементарных случаях действие, направленное по кратчайшему маршруту либо преследующее цель устранения лишних звеньев производственного процесса (прямые хозяйственные связи, прямое восстановление железа из руды и т.п.). Но по ряду причин подобные действия часто неосуществимы или нецелесообразны. Так, при прокладывании железной дороги в местности со сложным рельефом нельзя руководствоваться простейшими геометрическими соображениями, соединяя два населенных пункта по прямой, а приходится избирать обходной маршрут. Это не означает полной неприемлемости абстрактных соображений о рациональном маршруте. С изобретением новых видов транспорта (самолеты, дирижабли, суда на воздушной подушке) можно двигаться по прямой, экономя время и топливо. Как видно из приведенных примеров, при выборе оптимальных решений здравый смысл может быть представлен как вполне конкретными, так и довольно абстрактными соображениями.

Уроки народной мудрости. Сюрпризы паремий. Необходимость определенной организации познавательной деятельности, не вызывающая сомнений в отношении научного познания, не всегда принимается во внимание применительно к обыденному познанию. Между тем и оно нуждается в определенных регулятивах, эту роль и осуществляет здравый смысл. В обыденном сознании сложились, в основном стихийно, своеобразные формы организации знания, представляющие интерес для познания в целом. Таковы произведения устного народного творчества и в особенности паремии (поговорки, пословицы, фразеологизмы и т.п.), справедливо рассматриваемые как воплощение здравого смысла [10—13]*.

Традиционно рассматриваемые ранее преимущественно в рамках гуманитарной культуры фольклорные произведения, главным образом пословицы; примерно с середины прошлого века стали предметом пристального внимания со стороны представителей «точных наук». И если даже у профессиональных фольклористов порой сквозил скепсис в отношении перспектив фольклора, то некоторые математики и инженеры увидели здесь важный резерв повышения эффективности деятельности и с этой целью приложили усилия для применения фольклора в решении современных проблем, при этом в чем-то осовременив его. Выдающуюся роль в этом отношении сыграли работы известного математика и педагога Д. Пойа, предложившего использовать пословицы в целях улучшения преподавания математики, а также для разъяснения эвристических приемов. К примеру, для лучшего

*В работе использованы русские и белорусские пословицы, поговорки и фразеологизмы, английские пословицы, древнеиндийские афоризмы и пр.

осознания цели поиска, поэтапного продвижения к ней и поиска необходимых средств предлагались такие английские пословицы: «С началом считается глупец, о конце думает мудрец...», «Устанавливай паруса по ветру...», «Смысл рыбной ловли не в том, чтобы забрасывать удочку, а в том, чтобы поймать рыбу» [14, 101]. Пойа привел и собственные примеры «синтетических пословиц», более конкретно отвечающих условиям творческого поиска: «Ничему не верьте, но сомневайтесь только в том, что вызывает сомнение. Найдя первый гриб или сделав первое открытие, осмотритесь вокруг, — они родятся кучками» [14, 103].

Важность этих инициатив трудно переоценить. Речь идет не просто о расширении сферы применения народных афоризмов или об очередной удачной их интерпретации, но о поиске наиболее подходящих формулировок самих принципов, правил и приемов эвристики (как тогда называлась наука о творческом мышлении).

На протяжении данного раздела мы в общем плане обсудим особенности здравого смысла, проявляющиеся в паремиях, а затем вернемся к специальному обсуждению темы творчества.

Здравый смысл действительно присутствует в фольклоре как ведущий мотив. Безымянные авторы, высказывая свои суждения, руководствуются прежде всего здравым смыслом, рассчитывая на его наличие у адресата и тем самым культивируя его.

В силу того что фольклор понимается как синоним устного народного творчества, возможно, следует уточнить соотношение понятий «здравый смысл» и «мудрость». Для самого народного сознания, а во многом и для фольклористики характерно сближение этих понятий, без детального указания различий. В данном контексте под мудростью следует понимать высшую ступень здравого смысла, проявляющуюся в критическом осмыслении общеизвестных истин, уместном применении и высказывании оригинальных мыслей. Следовательно, здесь участвует и креативность.

Народные афоризмы подчас сопоставляют с суждениями, умозаключениями и т.д. Параллели с логическими формулами допустимы, но суть дела этим не исчерпывается. Вывод, который ожидается от читателя (слушателя), извлекается не только из знания, заключенного в суждениях, но и из самого жизненного опыта, а пословица задает отправной пункт для мышления в определенном направлении (это характерно, например, в отношении русской пословицы: «Не плюй в колодезь: пригодится напиток», вполне удовлетворяющей формальным требованиям к сокращенным умозаключениям, но включающей также богатый подтекст).

Фольклорные изречения разбирают и по нормам художественных произведений, это тоже оправданно, поскольку здесь виртуозно используются ресурсы обычного языка. Им не чужды не только общие для всех видов познания сравнения, обобщения и т.п., но также характерные именно для художественного творчества метафора и аллюзия, а вместе с ними закрепляющее впечатление ритм, рифма, аллитерация. С учетом этих особенностей малых фольклорных жанров их правильнее рассматривать как синтетические формы познания (идеи — образы). В ходе осмысления паремий активизируется как логическое, так и образное мышление. Адресат воспроизводит путь автора и при этом кое-что привносит от себя.

Сжатость описаний, присущая паремиям «по определению», обязывает к выделению существенного в них, а провоцируемые ассоциации способствуют обогащению представлений. Сопоставляемые предметы или свойства (как правило, подбираемые нестандартно) зачастую прямо присутствуют в тексте, делая совет (вывод) более убедительным: «Ищи дела, как хлеба». Одна из сторон явления может прямо не называться, но подразумеваться, способствуя привлечению неявного знания и более объемному видению (таков, к примеру, фразеологизм «оборотная сторона медали»).

Многokратный отбор (не исключаяющий наличия нескольких вариантов одной и той же по сути паремии) и последующая шлифовка способствуют еще более четкому выражению содержания.

Острота проникновения в суть, характерная для отдельных паремий, дополняется широтой охвата действительности. Это достигается за счет разнообразия прямо или косвенно затрагиваемых сюжетов (как говорится: «На ўсё знойдзеца прыказка») и переключки паремий.

В результате, не только постигаются или даже самостоятельно формулируются глубокие мысли об отдельных вещах и их свойствах, но и создается своего рода миниатюрная картина мира (пусть «мозаичная», эскизная и не вполне строгая).

Анализ различных сторон житейской практики переплетается в фольклорных произведениях с решением общих мировоззренческих вопросов. Частные вопросы нередко обсуждаются на фоне картины мира, дающей необходимый масштаб для оценки событий. В свою очередь народное сознание склонно приписывать всей действительности черты, присущие человеческому общежитию. Микрокосм и макрокосм взаимно проясняют друг друга. «Великое и малое идут рука об руку» — говорится в известной английской пословице. Подобные сопоставления позволяют черпать полезные для жизни уроки. Отдельные явления важны не только сами по себе, но и как символизирующие определенный порядок в жизни: «Каждая курица свой насест знает», «Как нет в улье матки, так нет и порядку» и т.п.

Особенно впечатляет вклад безымянных мыслителей в истолкование положений диалектики. На их представления несомненно повлияли труды философов, но имеются и собственные догадки, оригинальные формулировки, с почтением принимаемые профессионалами. Такова, например, известная французская пословица: «Крайности сходятся», содержащая в себе, по сути, все основные законы диалектики.

Понятие меры относится к наиболее популярным и разнообразно решаемым сюжетам. Здесь было достигнуто плодотворное взаимодействие обыденного и философского сознания, особенно в ранний (досократовский) период развития античной философии. Народная мудрость и по сей день следует завету Клеобула: «Лучшее — мера». Интересны и дополнительные нюансы в пословицах и поговорках разных народов мира, характеризующие как свойства самих вещей, так и критерии оптимального поведения человека. Последний момент тонко подмечен в русских пословицах: «Всякое дело мера красит», «Душа — всему мера» и т.п.

Особое доверие к мере характерно для белорусского народа. В последнее время «памяркоўнасць» зачастую выделяется в качестве определяющей черты национального характера или считается синонимом «здаровага розуму». В белорусском фольклоре мы находим также любопытное применение понятия меры к самой мудрости: «Хто занадта разумее, у таго дурней выходзіць», «Лішняя мудраванне — дураванне».

В целом же народная мудрость так и не поднялась над уровнем древней стихийной диалектики, поскольку нарушение меры воспринимается как в принципе неприемлемое явление. А между тем именно так создаются предпосылки не только для нарушения установленного порядка, но и для прорыва к новому.

Видное место в фольклорных изречениях отводится осмыслению понятий «возможность» и «невозможность». Народная мысль стремилась учесть самые разнообразные явления («Усяк на свеце бывае»), однако четкое разграничение возможности и действительности не достигнуто: возможным просто объявляется то, что уже происходит в действительности.

Основной же акцент делается на то, чтобы предостеречь от бесполезных действий, поэтому понятно то внимание, которое уделяется разграничению возможности и невозможности. Формы предостережения довольно

своеобразны. В их числе отрицательные суждения и тавтологии типа: «Што нельга, то нельга». Характерен древнеиндийский афоризм: «Что невозможно, то невозможно; что возможно, то возможно. Повозка не движется по воде, корабль не плывет по суше». Вряд ли стоит упрекать древних индусов за то, что они не предвидели изобретения вездеходов. Вообще при оценке подобных суждений следует учитывать, что при всей своей малой информативности они все же бесполезны, поскольку в житейской практике необходимо время от времени напоминать об общеизвестных вещах.

Более конкретная характеристика невозможных явлений, т.е. явлений, на которые не следует рассчитывать при планировании деятельности, представляет трудноразрешимую задачу для обыденного сознания. В один ряд нередко помещаются совершенно невозможные события, выраженные как в общем виде, так и в конкретно образной форме («Из ничего не выкроишь ничего»; «Когда рак на горе свистнет и рыба запоеет»), а также трудноосуществимые в данный момент действия или устаревшие технологические рецепты (как, например, в английской пословице: «Нельзя сделать кирпичи без соломы»). Тем самым ограничения существующей практики приравниваются к объективным законам природы, что способствует консерватизму. Как правило, не раскрывается активная деятельность людей, меняющая действительность. Но существуют и другие высказывания, привлекающие внимание к ярким личностям, способным подняться над обстоятельствами и даже извлечь пользу в трудных, непосильных для других ситуациях. Описание таких умелых, удачливых людей не обходится без преувеличений: «Он и с камня лыки дерет», «Он из песку веревки вьет», «Из печеного яйца живого цыпленка высидит», «Вынырнет из моря, да еще с рыбой в зубах» и т.п.

Рассмотренный материал позволяет конкретизировать представления о познавательных возможностях здравого смысла. Сведение его к кодексу общепринятых взглядов, четко определенных или довольно расплывчатых, не вполне оправдывается при изучении паремий. Здравый смысл скорее проявляется в осторожных выводах, особенно при переходе к новым областям деятельности, он трактует многие вопросы не напрямую, а посредством аллегорий или аллюзий, рассчитанных на подготовленного адресата.

Богатство фольклорного материала не позволяет относить фольклор только к прошлому или к нижним этажам духовной культуры. Более правильно постараться не сужать, но раздвигать его пределы. Не вступая в дискуссии с фольклористами и культурологами по вопросу о перспективах фольклора, отметим лишь, что наряду со «старым» (или «традиционным») существует и непрерывно развивается «новый», в своей основе городской фольклор, отображающий современные реалии. Фольклор не только аккумулирует прошлое, накапливая «историческую память», он творится ежедневно.

В зависимости от его носителей следует отличать «общенародный» фольклор, бытующий в различных социальных группах, и «специализированный», в своей основе профессионально ориентированный, развивающийся в замкнутых сообществах (научном, педагогическом, военном, спортивном и т.п.)*, располагающий изощренной лексикой и пр. Некоторые из этих разновидностей (научный фольклор в особенности) относятся скорее к высшим уровням общественного сознания, чем к обыденному, и представляют собой «просвещенный» здравый смысл.

Здравый смысл о творчестве: прозрения, просчеты, парадоксы. Взаимоотношение понятий «здравый смысл» и «креативность» содержит еще один важный аспект, затрагиваемый нами ранее, но специально не рассмотренный, а именно, точка зрения здравого смысла на творчество в

*Интересная подборка выражений из научного и производственного фольклора представлена в книге А. Блоха [15].

целом и креативность в частности. Прежде всего следует учитывать особенности интерпретации творчества с позиции обыденного сознания.

Обыденное сознание не могло пройти мимо феномена творчества, но старалось объяснить его на свой лад, исходя из привычных представлений. Характерная для обыденного сознания непоследовательность проявлялась в данном случае в том, что признавались особые способности отдельных людей, возвышающихся над средним уровнем («божья искра»), но отсутствовало внятное их объяснение. Бытовая демистификация творчества включала и определенную его вульгаризацию. Стоит напомнить, что слово «талант» в древности означало денежную единицу, а слово «дар» (don) в романских языках означает одновременно и одаренность, и вознаграждение. По сути, здесь содержатся догадки об истоках творчества и его роли в удовлетворении человеческих потребностей, а также намек на необходимость развития творческих способностей («не зарывать таланты в землю» согласно библейской легенде). Но это зачастую трактуется и в сугубо меркантильном духе как требование немедленной осязаемой выгоды от творческой деятельности. Все это необходимо учитывать сторонникам «новой экономики», рассматривающим наиболее целесообразные приложения человеческого «капитала».

Между здравым смыслом и креативностью существуют довольно сложные взаимоотношения. Наиболее актуальны два взаимосвязанных вопроса: роль здравого смысла в решении творческих задач, т.е. его реальное участие в творческом процессе и возможность объяснения творческого процесса исходя из понятия здравого смысла. Что касается оценки реального участия здравого смысла в творческой деятельности, то здесь, по-видимому, необходимы дополнительные исследования. Предварительно можно отметить, что обвинения в косности и примитивизме представляются неоправданно суровыми. С более сдержанными заключениями о его подсобной роли в решении задач временно можно согласиться, но необходимы уточнения. Рассудочное мышление позволяет сформулировать условия задач (проблем) и, очевидно, частично участвует в их решении. Несомненна его роль в освоении результатов творческой деятельности, в последующем тиражировании новшеств и т.д. Однако опираясь только на него, решать творческие задачи затруднительно. Но существует еще второй вопрос, не менее важный, т.е. вопрос об объяснительных ресурсах здравого смысла. С этой целью обратимся к литературным и фольклорным афоризмам, содержащим определенные общие утверждения о природе творчества. Большинство высказываний таковы, что их следует понимать не буквально, а, так сказать, *cum grano salis*, т.е. аллегорически. Но есть и такие, которые достойны того, чтобы их полностью включить в науку о творчестве. В их числе латинское изречение: «На ошибках учимся», английские пословицы: «Потребность — мать изобретения» и т.п., в ценности которых сомневаться не приходится. Сложнее обстоит дело в отношении других известных афоризмов, интересных уже по причине фиксации определенного умонастроения, но заключающих в себе возможность неоднозначной интерпретации. Это относится прежде всего к популярному афоризму: «Все гениальное — просто». Данное утверждение вполне устраивает обыденное сознание, и оно охотно принимает его, не задумываясь, как некий постулат. Обыденное сознание в целом преувеличивает роль простоты предлагаемых решений, не различая при этом объективного и субъективного смыслов. Простота в объективном смысле в наиболее элементарных случаях учитывает особенности структуры объекта или процесса. В субъективном смысле имеется в виду доступность для понимания.

Стоит принять во внимание знаменитую антиномию Канта, гласящую что, с одной стороны, все в мире просто, а с другой стороны, что ничего простого нет [16, 410—411]. Уже одно это мешает безоговорочно принять при-

веденный тезис о простоте как атрибуте гениальности. Другое, более конкретное соображение, состоит в том, что требование простоты зачастую вполне удовлетворяется творческими решениями невысокого уровня (рационализация). Репродуктивная, а тем более деструктивная деятельность могут быть предельно упрощенными. Выдающиеся новаторы отдавали определенную дань обыденному сознанию и, не возражая против приведенной выше формулы, в то же время всегда уточняли, какой аспект простоты имеется в виду. Для них это всегда лишь одно из весомых соображений, но наряду с другими. В таком духе следует понимать знаменитое высказывание Г. Форда (своего рода его «кредо»): «Моя цель — простота». Стремление к простоте конструкции, т.е. менее металлоемкой, не требующей больших затрат при производстве, в конечном счете способствовало повышению эффективности производства [17, 18—20].

Достижение подобной цели (это все-таки не главная и не единственная цель) правомерно связывается с труднодостижимым совершенством решения («сложная простота»). Работа обыденного сознания состоит в том, что удачное нововведение в конечном счете лучше, чем другие вписывается в практику.

Важной характеристикой достигнутого уровня здравомыслия, обыденного сознания в целом является отношение к новому. Как известно, древний мир, и особенно древний Восток, в общем отдавали решительное предпочтение традициям, не усматривая особой потребности в новшествах и скорее относя их к превратностям вещей. Но здравомыслие (не все общественное сознание) оценивало ситуацию более хладнокровно. Так, древнеиндийский афоризм провозглашает: «Не всякая старая поэма хороша, не всякая новая поэма плоха».

В Новое время намечается существенный поворот — старое и новое стараются оценивать более объективно, и это уже входит в традицию. В любопытной заметке «О новшествах» Ф. Бэкон добросовестно перечисляя типичные для здравомыслия аргументы «за» и «против», обращает внимание на то, что «...всегда новшества одним на руку, а другим на беду» и приходит к следующему выводу: «...не отвергая вовсе новшеств, все же следует брать их под подозрение» [18, 405]. Этим выводом многие склонны удовлетвориться. Но и здесь нет призыва к творчеству. Новшества принимаются или нет. Сам Бэкон, конечно, глубже. Но в этой заметке, как и в других, он в целях большей убедительности старается оперировать доводами здравого смысла.

«Если нововведения слишком трудно установить, это служит доказательством, что в нем нет необходимости». Данный афоризм Л. Вовенарга многие противники новшеств, наверное, не прочь зачислить в свой актив. Между тем он допускает различные интерпретации, к тому же он не вполне оригинален, опираясь, в частности, на известную мысль Эпикура о мудром устройстве нашего мира, в котором совпадают нужное с легким, а ненужное с трудным. Трудности в освоении нового берутся недеференцированно. Эти трудности зачастую действительно свидетельствуют об их неприемлемости, принципиальной или временной. Однако они отнюдь не являются безусловным критерием оценки новшеств, напротив, как показывает практика, нередко именно они свидетельствуют о ценности предлагаемых идей и решений. Главное — соответствие законам природы и общества и общественным потребностям.

Наряду с приведенными фольклорными и литературными афоризмами следует принять во внимание произведения «специализированного» (профессионально ориентированного) фольклора, особенно научно-технического. Для него характерно использование (в том числе и пародирование) научной терминологии, оценка конкретных проявлений творчества, включая рациональное объяснение и вдохновение, и его разоблачение. Мы не можем детально останавливаться на этих вопросах. Отметим лишь, что происходит своеобразное обновление фольклорной традиции.

Итак, ряд популярных афоризмов свидетельствует о том, что обыденное сознание или апелляция к нему могут приводить к формулировке довольно глубоких мыслей. Их назначение не в том, чтобы указывать верные решения, скорее они способны спровоцировать плодотворные дискуссии.

Итоги исследования свидетельствуют, что объединение в одной теме столь разнородных и при том недостаточно изученных понятий, как «здравый смысл» и «креативность», в целом оправдало себя. Возросшее внимание к обыденному познанию, вненаучному сознанию в целом и преодоление крайностей сциентизма создает определенные условия и для «реабилитации» здравого смысла, ранее отнесенного на периферию научного исследования и нижние этажи общественного сознания. Для закрепления этой тенденции нужны дополнительные разработки, в том числе и в философском плане. Этот дефицит можно преодолеть на основе связей искомых понятий с фундаментальными философскими понятиями.

Помимо общей категориальной базы здравый смысл и креативность связаны и более специфическим образом. Эта связь включает два основных аспекта: реальное участие здравого смысла в решении творческих задач и возможность объяснения творческого процесса исходя из понятий здравого смысла. Следует поставить под сомнение статичный, плоский образ здравого смысла, поскольку его динамика и разнообразие проявлений вытекают из сложности самой жизни. Творческая деятельность не есть *terra incognita* для здравого смысла. Ему принадлежит значительная роль в ее осмыслении и освоении результатов. Эти вопросы были прослежены на основе анализа действий (в особенности «прямого действия») и суждений. В последнем случае использовался фольклорный материал.

За рамками нашего исследования остался ряд вопросов, которые можно было бы изучить более подробно. Привлечение ряда естественных соображений позволило выявить общие черты между здравым смыслом и креативностью, что является отправным пунктом для их характеристики. Более подробное рассмотрение структуры здравого смысла и креативности позволило бы сформулировать и более конкретные выводы. По-видимому, и здравый смысл, и креативность включают такие сравнительно элементарные психические и познавательные способности, как мышление, память и прочие, которые, однако, своеобразно связываются и используются.

Литература

1. Гете, И.В. Избранные сочинения по естествознанию / И.В. Гете. — М.: Изд-во АН СССР, 1957.
2. Здравый смысл // Большая рос. энцикл. — М.: Большая рос. энцикл., 2008.
3. Здравый смысл // Философ. энцикл.: в 5 т. — М.: Совет. энцикл. — Т. 2, 1962.
4. Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу / А.А. Зиновьев. — М.: Изд-во Центрполиграф, 2000.
5. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Мысль. — Т. 1. Наука логики, 1974.
6. Энгельмейер, П.К. Теория творчества / П.К. Энгельмейер. — СПб.: Образование, 1910.
7. Бергсон, А. Смех / А. Бергсон // Француз. философия и эстетика XX века. — М.: Искусство, 1995.
8. Ленин, В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч.: в 55 т. / В.И. Ленин. — 5-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит. — Т. 29, 1980.
9. Пастер, Л. Исследования о вине, его болезнях и причинах, которые их вызывают, новые способы его хранения и ускорения его созревания / Л. Пастер // Избр. тр.: в 2 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 1.
10. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. — 3-е выд.: склаў Ф. Янкоўскі. — Мінск: Навука і тэхніка, 1992.
11. Древнеиндийские афоризмы. — М.: Наука, 1966.
12. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. — М.: Художеств. лит., 1988.
13. Kuskovskaya, S. English proverbs and sayings / S. Kuskovskaya. — Минск: Выш. шк., 1987.
14. Пойа, Д. Как решать задачу / Д. Пойа: пер. с англ. — М.: Учпедгиз, 1961.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
 □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.